

А. Белый

[О Ходасевиче]

Я к Ходасевичу чувствовал вздрог; он, возникнув меж Брюсовым и меж журналом «Искусство», покусывал Брюсова, не оценившего сразу его; скоро он оказался при Брюсове; вновь отскочил от него; он капризно подергивался между Зайцевым, Брюсовым и Соколовым лет пять, перебрасывая свои сплетни из лагеря в лагерь; он, со всеми дружа, делал всем неприятности; жил в доме Брюсовых, распространяя семейные тайны о ссоре родителей с сыном; но всем импонировал Ходасевич: умом, вкусом, критической остротой, источающей уксус и желчь, пониманием Пушкина; трудолюбивостью даже внушал уважение он; и, увы, — во всех смыслах пошел далеко Ходасевич; капризный, издерганный, самоядущий и загрызающий ум развивался за счет разложения этики.

Жалкий, зеленый, больной, с личиком трупика, с выражением зеленоглазой змеи, мне казался порою юнцом, убежавшим из склепа, где он познакомился уже с червем; вздев пенсне, расчесавши пробориком черные волосы, серый пиджак затянувши на гордую грудку, года удивлял нас уменьем кусать и себя и других, в этом качестве напоминая скорлупчатого скорпионика.

Делалось жутко.

Попав в «Перевал», Ходасевичу в лапы попал; он умел поразить прямою, с которой он вас уличал, проплетая журенья свои утонченнейшей лестью, шармируя мужеством самоанализа; кто мог подумать, что это — прием: войти в душу ко всякому; он и входил во все души, в них располагаясь с комфортом; в них гадил; и вновь выходил с большой легкостью, неуличаемый; он говорил только «правду»; неправда была — в придыхании, в тоне; умел передергивать — в «как», а не в «что», клеветца на вас паузой, — вскидом бровей и скривленьем сухого, безусого ротика. Только гораздо позднее мне открылся до дна он.

Бывало, умел с тихой нежностью, с «детскою» грустью больного уродика тихо плакать о гибнущем в нем чувстве чести; любил он прикинуться ползающим в своей грязи из чувства подавленности перед ризами святости: делался даже изящным, когда, замерцавши глазами, с затыгом сухой папироски, с подергом змеиной головки, он нервным, грудным, перекурным голосом пел, точно страстный цыганский романс, как он Пушкина любит за то, что и Пушкин купался в грязи; и купается Брюсов; и он, даже... я, как все лучшие и обреченные люди.

Многие крупные люди прощали ему очень многое за его роль, на себя ежедневно натягиваемую; и физически он внушал жалость: то он покрывался фурункулами; то — от болей он корчился (туберкулез позвоночника).